

Часть 6.

Глава 28.

Эта ночь была тёмной и безлунной. Даже звёзд не было видно — облака, затянувшие всё небо, скрывали их. Тихое и глухое жужжание насекомых предвещало приближавшийся конец осени. Последний месяц сезона должен был вот-вот закончиться.

В скалистом хребте Ю, расположенном на севере провинции Бун, располагалось четыре горы Рё'ун. Они первыми встретили снег, выпавший там вчерашней ночью.

Эти горы можно было разглядеть даже из города. Однако жители не тратили время на любованье ими — они спали или пытались заснуть, наслаждаясь краткой передышкой, которую им даровала ночь. За городскими стенами тоже хватало желающих выспаться, однако, не имея возможности найти себе жильё или попроситься переночевать к кому-нибудь в городе, им не оставалось ничего иного, кроме как сбиваться в кучки вокруг костров.

Они понятия не имели, что ждало их в завтрашнем дне, и сколько всего им придётся преодолеть, чтобы найти своё место под солнцем.

За холмами, недалеко от их лагеря, в промозглой сырости лежали те, кто истратили последние силы, но так и не сумели добраться до цели. Над их неглубокими могилами, словно оплакивая их, стрекотали насекомые.

В эту ночь никому в провинции Бун не удалось выспаться.

У покосившейся хижины, расположенной неподалёку от могил, сидел старик, кутавшийся в изодранный плащ. Эта хижина когда-то была сараем для инструментов. У старика не было ничего, кроме этого сарая — он потерял всё, включая свой дом в деревне и свою семью. Его семья усердно трудилась, и сумела скопить довольно приличное количество денег, но затем на них напали грабители, и в итоге в живых остался только старик. Он давно потерял желание жить. Теперь он мог только молиться.

Молиться о том, чтобы его дорога к семье была лёгкой и безболезненной.

Он достиг своих пределов. В нынешние отчаянные времена, подобная молитва была

единственным желанием для многих — ведь чем скорее всё закончится, тем легче им будет. Старик прожил достаточно долго, и не ждал ничего нового от своей жизни. У него не осталось сил желать чего-либо, помимо избавления от несчастий и безысходности.

— Спасите... — пробормотал старик, натягивая повыше воротник плаща.

Множество людей, помимо него, выражали схожее желание. Его страдания были лишь каплей в море. Отчасти поэтому он не питал никаких надежд, кроме как освободиться от страданий, оставив этот мир позади.

Женщина стояла у окна и внимательно вглядывалась в темноту. Она была одна в доме — когда-то она жила здесь с мужем и детьми, но эти времена прошли. Однако перед её глазами до сих пор стояли картинки из счастливого прошлого.

«Сегодня лучше», — подумала она. — «Сегодня темно».

Любая вещь, которую она замечала, отдавалась пронзающими её сердце воспоминаниями. Кресло, в котором любил сидеть её муж. Кубики, с которыми играл её сын. Стол, за ножку которого держалась её дочь, едва научившаяся ходить. Скромный обед на столе. Звуки смеха и болтовни.

Из-за этого женщина не зажигала лампу, спала днём, и не открывала лишний раз окна и двери до тех пор, пока солнце не садилось. В дневном свете особенно хорошо были видны отметины когтей ёма на полу, и пятна засохшей крови на стенах. Это напоминало ей о том душераздирающем зрелище — об останках её семьи, лежавших в луже крови.

Обычно в это время она работала в саду. Но сейчас из-за отсутствия света это не представлялось возможным. Подобное бездействие больше всего тяготило её.

Но её жизнь не спешила заканчиваться.

Провинциальный чиновник лежал в темноте, тяжело вздыхая и обдумывая ту же мысль. Каждый вздох был болезненным, и давался ему с трудом. Чиновник жил в заброшенной деревне у подножия горы. Фактически, он был её единственным жителем.

Когда он родился, эта деревня уже угасала. К радости друзей и знакомых он сумел стать госслужащим. Однако через десять лет он покинул свой пост и вернулся на малую родину.

Дворец наместника провинции к тому времени изменился до неузнаваемости, превратившись в логово воров. Бюрократы с безжизненными глазами бродили по его коридорам. Каждый раз, когда он пытался взять всё в свои руки и попытаться всё исправить, его понижали в должности и угрожали убить. В итоге у него не осталось иного выбора, кроме как уйти. Его имя вычеркнули из Списка Бессмертных, он ускользнул из дворца и пустился в бега, но вскоре всё же решился вернуться домой.

Однако, вернувшись, он обнаружил лишь заброшенные развалины. Предвидя его действия, армия провинции напала на неё, убив его родителей и всех их соседей.

С тех самых пор он обитал в деревне, не зная, что ему следовало делать, и что он вообще был способен сделать.

Но всему рано или поздно приходит конец. Летом он заболел. С тех пор его состояние ухудшалось день ото дня. Он больше не был сэннин, что означало, что болезнь вполне могла забрать его жизнь. Возможно, это было к лучшему — у него всё равно не было ни малейшего желания смотреть на то, что случится с этим миром в дальнейшем.

Последние три дня он провёл в кровати. Сначала он потерял голос, а теперь даже не мог сесть. Его руки и ноги онемели, он едва мог пошевелить ими. Вплоть до вчерашнего дня его суставы невыносимо пульсировали. Сегодня, впрочем, они ощущались на удивление неплохо.

Вся его семья ждала его в ином мире.

Выжимая из себя каждый вздох, он смотрел в потолок невидящим взглядом.

Неподалёку от его деревни располагалась ещё одна, более маленькая деревушка.

Из одного из домов — сколоченной наспех лачуги, едва отличимой от сарая — выскочила девочка. Захлопнув дверь, она торопливо зашагала по дороге, держа в одной руке корзину, а в другой — фонарь.

На севере Тай люди, как правило, не жили в столь маленьких деревушках на постоянной основе. Обычно владельцы подобных наделов жили там лишь летом, и уезжали на зиму в город или деревню покрупнее. В итоге пустующие дома частенько заметало снегом настолько сильно, что те могли и обрушиться. Поэтому местное жильё представляло из себя грубые, построенные на скорую руку лачуги — они были лишь временным жильём для крестьян, возделывавших здесь поля или присматривавших за скотом. Такие постройки легко было возвести заново в том случае, если за зиму они обрушились.

Как правило, эти дома были обставлены скудно, и в них хранилось лишь то, что было не жалко

бросить. Но жившей здесь девочке приходилось мириться с этим. Пожар уничтожил город, в котором когда-то жили она и её семья. Когда они скитались по дорогам, они встретили путника, который предложил им отправиться в одну из таких деревушек. Так они и оказались здесь.

Они каким-то чудом сумели выкопать очаг в этой тесной лачуге, укрепили стены насыпями из земли, заделали крышу полосками коры, и теперь вся эта конструкция даже относительно напоминала дом.

Мать девочки погибла давно. Ей сказали, что это был несчастный случай, но впоследствии она выяснила, что её замучили до смерти солдаты-садисты. Отец девочки работал на зажиточного землевладельца в соседнем городе, и зачастую уезжал работать с весны по осень. Поэтому вместо усердно трудившегося отца домашним хозяйством в их семье занималось трое детей.

В подобные дни, когда их отец не мог вернуться домой, они брали его обязанности на себя — собирали валежник и присматривали за печью для обжига угля. Они кололи дрова, затем обдирали с них полоски коры и размачивали их в воде. Однако на то, чтобы плести из этих полосок коробки и корзины, их сноровки не хватало.

В один из вечеров, увлечённая этими занятиями, девочка внезапно вспомнила, что той ночью должно было быть новолуние. В ночь новолуния её отец всегда отправлялся с подношением на близлежащую гору. Но тем вечером его не было дома, поэтому одному из детей нужно было отнести подношение вместо него.

Старший брат присматривал за угольной печью. Их отец мог дремать всю ночь, и при этом не дать ей погаснуть, но дети ещё не овладели подобным мастерством. Древесный уголь был критически важен для них — они могли бы продавать орехи и ягоды, но на них нельзя было заработать. Уголь был их единственным способом прокормить себя.

Одной из сестёр нужно было не спать вместе с братом, и следить за тем, чтобы он не заснул, и это куда лучше получалось у старшей сестры — она болтала с братом, пока сдирала кору с поленьев, и не давала ему заснуть.

Младшей же было всего девять лет, и она не могла бодрствовать всю ночь. Поэтому она отправилась в ночь, по чёрной, как смоль, дороге, чтобы отнести подношение.

Ночная прогулка пугала её, но девочка не хотела разочаровывать отца. Она уже знала, что он не рассердился бы на них, если бы они не отнесли подношение. Но он определённо горевал бы, а на следующий день, не успев толком отдохнуть, отправился бы сделать подношение лично, невзирая на опоздание. Почему-то эти ежемесячные подношения были очень важны для него.

Крепко сжимая ручку корзины, девочка шагала так быстро, как только могла. Выйдя за пределы деревни, она побежала по тёмной дороге. Спустившись по горной тропе, она добралась до глубокого озера, прилегавшего к реке, в которую они обычно отправляли подношения.

Край озера огибал широкий каменистый уступ, расположенный чуть ниже тропы. Здесь горная река, спускавшаяся едва ли не с самой вершины горы, замедлялась и расширялась. Ограниченное скалами, озерцо постепенно сужалось, в дальнем конце превращаясь в узкий поток. Поток уходил в трещину в скале, своим видом напоминая разорванную ткань.

За этой трещиной наверняка находилась пещера, но трещина в скале была довольно узкой даже для ребёнка. Хотя, конечно, ни сама девочка, ни её брат или сестра никогда не пытались пролезть туда, так что они не были уверены в том, возможно ли это. Трещина находилась на противоположном берегу, поэтому добраться туда можно было, лишь переплыв озерцо. Но под внешне спокойной водной гладью пролегалo мощное подводное течение, поэтому плавать там было опасно, особенно детям. Любая попытка перебраться через озеро, даже вброд, могла закончиться тем, что ты оступишься, и тебя затянет под воду. Поэтому девочка не решилась бы на подобное даже при свете дня.

С трудом сглотнув, она осторожно подошла к краю уступа. Остановившись, она подняла голову и посмотрела вверх. Ферма, на которой работал её отец, располагалась где-то поблизости от истоков этой горной реки.

Однажды девочка поинтересовалась у отца, зачем они проводили этот ритуал. Её отец всегда клал в корзину немного еды, монет и ткани. Девочка прекрасно знала, что значит голодать, и поэтому не понимала, зачем отец бросал в воду вещи, которые могли бы пригодиться им самим.

В ответ её отец объяснил, что ниже по течению реки когда-то жил очень важный человек. Река терялась где-то у подножия горы Кан'ё. Именно там и умер этот важный человек. Умерев на горе Кан'ё, он продолжал обитать в духовном мире рядом с ней. И он наверняка грустил из-за того, что у него не было еды и одежды. Пускай их семья и была бедной, но у них хватало еды на каждый день, а подношение этой августейшей персоне они совершали лишь раз в месяц, так что они вполне могли пожертвовать столь малой частью своих вещей. По крайней мере, отец девочки был непреклонно уверен в этом.

Точно так же они оставляли еду и одежду на могиле своей матери. Отношение к незнакомому человеку как к близкому девочка считала странным, но, откровенно говоря, свою мать она тоже практически не знала. Её мать умерла, когда девочка была совсем маленькой, и потому она не помнила ни её лица, ни голоса.

«Грустно, наверное, живётся, когда ты можешь поесть лишь раз в месяц» — подумала девочка. Осторожно присев, она сбросила корзину в воду. Корзина, закрытая крышкой, покачиваясь, медленно поплыла по направлению к трещине, пока не исчезла из виду. Девочка проводила корзину взглядом до тех пор, пока тусклый свет фонаря позволял видеть её. Внезапно её посетила мысль — а не придётся ли ей самой жить в той страшной пещере, когда она умрёт?

Недалеко от уступа, нависавшего над расположенным в ущелье горы озерцом, в крошечной

темноте, сгорбившись, сидел человек. От него доносился едва слышный голос.

— Мы сражались там...

Вокруг было настолько темно, что единственный огонёк, мерцавший вдалеке, казалось, вот-вот сдаться и позволит ночи поглотить себя.

— И умирали там...

Окутанная тьмой фигура не двигалась. Слова песни были монотонными, и больше напоминали бормотание.

— И затем вороны клевали нас словно мёртвых собак на обочине дороги.

Тихий и безжизненный голос, совершенно лишенный эмоций, струился сквозь темноту. Шум горной реки, текущей неподалёку, казалось, подпевал ему.

Прошу, передайте воронам

Повременить немного и не съедать нас

И оплакать нас, будто им не всё равно

Мёртвые, измученные и даже не в могиле

Разве может наша гниющая плоть

Избежать ваших острых клювов?

Человек обхватил колени руками и, опустив голову, сдавленно рассмеялся. Возможно, он вспомнил те дни, когда он громогласно хохотал, распевая эту песню во весь голос. Или, быть может, он смеялся над абсурдностью этого сольного концерта в темноте.

Тусклый свет вдалеке снова заколебался. Человек поднял голову и, убедившись, что с огоньком всё в порядке, снова опустил её.

Когда наступает день

Они шагают на войну, полные жизни

Когда наступает ночь

Не возвращается никто из них

<http://tl.rulate.ru/book/4471/1231526>